

Николай Тарабунин.

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА.

"За высоко интеллектуальные и разительно ясные формы быстроходного парохода сталелитейного завода, машины я готов отдать всю стильную дребедень современной художественной промышленности".

(О. Шпенглер.)

Выставка всего обреченного самой жизнью на вымирание. Какая-то панихида, но спетая так, что зауспокойное адажио звучит, как "здравница".

Прежде всего на вывеске выставки не хватает одного весьма нужного слова, которое должно было бы внести существенную поправку в масштабы ее задач. Это слово – кустарный: "Выставка художественно кустарной промышленности".

В расширенном охвате современного эстетического сознания "художественная промышленность" мыслится, как высоко-квалифицированное индустриальное производство автомобилей, аэропланов, подъемных кранов, ротационных машин, аппаратов для производства химических и физических опытов и т. д. То-есть все то, что отмечено высокой интеллектуальностью, изумительным мастерством развитой техники и уже вышло из темной орбиты интуиции.

И вот в 1923 г., на шестом году революционного сознания, учреждением стоящим во главе ученой мысли в вопросах искусства, устраивается выставка не ретроспективного взгляда, а напротив взора, устремленного вперед, знаменательным символом который является медовый пряник в изделии кустаря.

Избитое возражение, что Россия – страна кустарей, не оправдывает платформы выставки. Во всей атмосфере диспутов и реклам, сопровождавших открытие выставки, отсутствовали скептицизм и необходимый здесь цинизм, в лучшем значении этих понятий. Если этот вырождающийся кустарный хлам может быть обращен в золотую валюту, если среди западно-европейских и американских профанов находятся покупщики этой мнимой "экзотики", то молчите по крайней мере среди русского общества о прогрессе кустарничества. И когда Тугендхольд, (имеющий близкое прикосновение к устройству выставки, исчерпав все свои снобистические ресурсы на французских импрессионистах, старается "верхним", сильно попорченным чутьем отыскать новую "тему") оправдывает жизненность кустарничества тем, что на пряниках вместо петуха появляется изображение автомобиля, а трубка режется в виде головы красноармейца – то все скудоумие современной художественной мысли получает знаменательный символ.

Лучшим доказательством, что "взыскуемая" с таким рвением "художественность" окончательно исчезла из кустарничества и что ее теперь надо

стр. 251

искать скорей в массовом, индустриальном производстве и в научных лабораториях, а не в ремесленных мастерских, служат сами экспонаты выставки.

Тот же традиционный петух высоко примитивного образа, столь выразительный в своем лаконизме, снизился до деревянной, раскрашенной копии, не художественно – условно, а анти-художественно – безусловно переданной натуры. Когда петроградский фарфоровый завод показывает тарелки, покрытые "мазочками" Чехонина, то гипертрофированность формы станковой картины, переведенной на фаянс, достигает своих последних размеров. Поиски новых производственных путей обнаружены не в новых способах обработки материала, а в изобразительных "мазочках". Типографское дело представлено не в способах монтажа книги, а в "красивых" обложках.

Ручное мастерство, столь высокое в эпохи развития ремесленничества, неудержимо исчезает даже там, где к его возрождению принимают меры квалифицированные художники.

Не является ли это знаменательным показателем того, что техническое мастерство ручного производства, столь высокое в эпохи и у народов, не знакомых с машиной, бесследно исчезает в условиях индустриальной культуры не только как навык, но к нему утериваются вообще все ключи, вскрывающие его основу.

Там, где работа еще продолжает течь в традиционных руслах, (игрушка, вышивка) обнаруживается потеря чувства былой выразительности в формах. Там, где утверждаются новые принципы, формы, (одежда) сказывается беспомощность техники. А там, куда пришел художник – типичный станковист, встает со всей обнаженностью гипертрофия формы и материала, отсутствие заботы и чутья связать их с практическим назначением вещи.

Знаменательно, что устроители выставки принадлежат к безнадежно эклектическому лагерю и что ни одно из чутко чувствующих современность художественных течений не приняло в ней никакого участия. Во всей атмосфере ее сказывается тот глубокий провинциализм, которым характеризуется отдаленность умонастроения от запросов современности.

